

Сознание и духовные ценности

К. В. Сак

Великокняжеский долг в представлении «К.Р.» (великого князя Константина Константиновича)

Члены императорской фамилии жили в рамках установленных законом прав и обязанностей, которые строго регламентировали их публичную и частную жизнь. Первостепенное значение придавалось исполнению великокняжеского долга, который в разные времена воспринимался своеобразно. Отношение великих князей к своей роли в жизни государства и монархии отражало социокультурные и политические изменения в Российской империи, а также состояние Династии как института власти. На примере осознания великим князем Константином Константиновичем, жившим в пореформенный России в 1858–1915 гг., своего долга можно составить представление о том, насколько отличалась идеальная модель Императорской фамилии от реалий меняющегося времени. Основное внимание будет уделено периоду взросления великого князя, когда он оказался перед выбором своего будущего поприща. Вступая на службу Престолу и Отечеству, он особенно остро воспринимал и осмыслял свой долг, свое призвание, свое великокняжеское положение.

Великий князь Константин Константинович был незаурядным представителем своего времени: член Императорского Дома, президент Императорской академии наук, «отец всех кадет» – главный инспектор военно-учебных заведений, и поэт «К.Р.». Он был не только известным государственным деятелем, но также деятелем науки и культуры, тесно связанным с виднейшими учеными, писателями и музыкантами. Разносторонне образованный, с романтическим восприятием мира и трепетным сердцем, он остро переживал происходившие на его глазах перемены в России конца XIX – начала XX в. Через его отношение к своему долгу раскрывается его личность и индивидуальность, а «индивидуальный духовный опыт не только отражает в себе историю, но и /.../ творит ее»¹. Это отчасти позволяет взглянуть на культуру того времени, почувствовать дух эпохи, проникнуть в мироощущение людей XIX в. Дневники великого князя, которые он вел с 12 лет, являются уникальным

---

¹ Проблеме личности и индивидуальности в истории была посвящена дискуссия историков, социологов и психологов, опубликованная в журнале «Одиссей». Цитируется статья: Рашковский Е. Б. Личность как облик и как самостояние // Одиссей. Человек в истории. 1990. С. 14.

Сак Ксения Васильевна, аспирант Московского государственного университета.

E-mail: ksenia.sak@gmail.com

© К. В. Сак, 2012

для этого источником. Всего он написал 66 томов, в которых до мельчайших подробностей отразились его повседневная жизнь и духовный мир. В полном объеме они не были опубликованы и до сих пор используются лишь для иллюстрации политических и социальных перемен, которые переживала Россия. Отсутствуют и крупные научные биографические работы, посвященные великому князю.

5 апреля 1797 г., в день священного коронавания, Павел I издал акт о престолонаследии и «Учреждение об императорской фамилии». В нем он определил правовое положение членов Династии и их обязанности по отношению к самодержцу. Семейное право, регулировавшее отношения внутри правящей династии, ставилось на один уровень с Основными государственными законами¹. Исполнение закона стало долгом великих князей, так как этим они подтверждали и демонстрировали верность монархии и ее прочность. В 1832 г. император Николай I включил «Учреждение» в Свод законов Российской империи, отождествив тем самым династию и государственное устройство. Именно в его царствование получил развитие «династический сценарий власти», а правящая фамилия стала олицетворять высшие ценности человечества².

Император Николай I особое значение придавал воспитанию детей, готовя их в государственные деятели – помощники монарху. Тема служения Отечеству отчетливо выражена в его письмах к сыну великому князю цесаревичу Александру Николаевичу во время путешествия по России в 1837 г.: «Я стараюсь в тебе найти себе залог будущего счастья нашей любимой матушки России, той, для которой дышу, *которой вас всех посвятил еще до вашего рождения* (здесь и далее курсив мой – К. С.)»³. Не стал исключением и великий князь Константин Николаевич, будущий отец нашего героя. Свою государственную деятельность он начал в Морском министерстве, где в 1853 г. занял должность управляющего. Год спустя А. Ф. Тютчева писала о великом князе в своих дневниках, что «от него ждут с надеждой *славы бу-*

---

¹ Более подробный анализ Учреждения об Императорской фамилии с точки зрения законодательства см. Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX века). М., 2009. С. 21–84.

² О династических традициях российской монархии более подробно см. Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1–2. М., 2004. О династических представлениях Николая I: Николай I и создание династического сценария. В кн. Уортман Р. Сценарии власти... С. 336–543.

³ *Венчание* с Россией. Переписка великого князя Александра Николаевича с императором Николаем I. 1837 год. М., 1999. С. 143.

дущего царствования»¹. В последствие он стал ближайшим сподвижником императора и одним из первых помощников в проведении Великих реформ².

В 1858 г. Константин Николаевич искренне радовался появлению на свет второго сына, будущего, как ему казалось, моряка. Августейшего младенца по установленному в Доме Романовых порядку назначили шефом Тифлисского гренадерского полка и определили в лейб-гвардию Конного и Измайловского полков и в Гвардейский экипаж³. Счастливый отец был уверен в том, что будущий наследник его деятельности в Морском министерстве полюбит своих сослуживцев и «будет им добрым товарищем»⁴. В 1874 г. Константину было суждено стать наследником своего отца и «по закону»⁵. В семье августейшего контр-адмирала произошел громкий скандал: его старший сын, Николай, признался в совершении краж в императорском дворце и родительском доме, чтобы бежать за границу с любовницей, американской танцовщицей Фанни Лир. Его признали душевнобольным и выслали из столицы. Желая смягчить наказание по просьбе младшего брата, Александр II советовался «об этом щекотливом предмете» с военным министром Д. М. Милотиным. Он же откровенно высказал свое мнение: «Возмутительное отсутствие всякого нравственного чувства и логики: можно ли так разыгрывать фарс, издеваясь над общественным мнением»⁶; «если же болезнь его фиктивная, то как же вводить снова вора и негодяя во все права особ императорской фамилии»⁷. Эти слова довольно точно характеризуют отношение в обществе к династии. В первом высказывании частная жизнь ее членов, не влияющая напрямую на государственные дела, становится достоянием общественного мнения, с которым необходимо считаться. Во втором – династия представляется как оплот нравственности, где нет места человеку, совершившему преступление и предавшему свой долг.

---

¹ Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров: воспоминания и дневники / Пер. с франц. Л. В. Гладковой. М., 2004. С. 171.

² О реформаторской деятельности великого князя Константина Николаевича см. Воронин В. Е. Русские правительственные либералы в борьбе против «аристократической партии» (середина 60-х – середина 70-х гг. XIX в.). М., 2009; *Он же*. Русская самодержавная власть и либеральная правительственная группировка в условиях политического кризиса (конец 70-х – середина 80-х гг. XIX в.). М., 2010; Шевырев А. П. Русский флот после Крымской войны: Либеральная бюрократия и морские реформы. М., 1990.

³ ГАРФ. Ф. 660 (великого князя Константина Константиновича). Оп. 2. Д. 7. Копия послужного списка. Л. 1 об.

⁴ 1857–1861. Переписка императора Александра II с великим князем Константином Николаевичем. Дневник великого князя Константина Николаевича. М., 1994. С. 65.

⁵ Официально первородство было признано Александром III.

⁶ 1857–1861. Переписка... С. 190. Предложение в дневнике зачеркнуто автором.

⁷ Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1873–1875. М., 2008. С. 191.

Константин, предчувствуя, как на нем могут отразиться последствия этого происшествия, записал в дневнике: «Немного испугался, не слишком ли худо Николе, и не останусь ли я старшим сыном; меня это очень испугало, потому что я вовсе не хочу быть старшим сыном»¹. В дальнейшем эта история повлияла на отношение к нему в семействе. В день 16-летия великого князя Александр II произвел его в мичманы, вручил эполеты Гвардейского экипажа и сказал, что августейший племянник «должен быть вдвойне достоин (здесь и далее подчеркивание К. К. – К. С.) звания офицера». Вечером новоиспеченный мичман так объяснил слова императора в своем дневнике: «Я понял, это вдвойне относилось к тому, что я *должен восстановить честь моих родителей*, пострадавшую от поведения Николы»².

Константин Николаевич с детства внушал своим детям чувство долга, ответственности и осознание своего особого предназначения. Долг понимался им в нескольких смыслах: как христианина, как члена Дома Романовых и как подданного императора. В 1876 г. перед отходом в Америку фрегата «Светлана» в учебное плавание Константин Николаевич благословил своего «дорогого моряка Костю» на это предприятие, подчеркнув, что находясь во флоте, он исполняет свой святой долг и «служение Царю и Отечеству!»³. Это было время обострения Восточного кризиса, поэтому Константин Николаевич, предчувствуя возможность войны, поучал своего наследника: «Не забывай тогда, кто ты и что ты. Помни, что *ты русский, что ты Романов, что ты племянник русского царя, помни, что ты моряк* и служишь под нашим русским флагом и Андреевским крестом, честь которого должно отстаивать до последней капли крови. Помни все это и старайся быть достойным всего этого и *молись Богу, чтобы Он тебе в этом помог и сделал бы тебя достойным твоего назначения и твоего призвания !...!* А если придется вам вступить в бой, помни, *какая кровь течет в твоих жилах, и в случае нужды умей и проливать ее*»⁴. Константин Константинович исполнил наставления отца. Он участвовал в Русско-Турецкой войне 1877–1878 гг. и заслуженно получил высшую военную награду – Георгиевский крест.

Благодаря наставлениям и примеру отца Константин Константинович мог лучше понять, какую ответственность накладывало на него великокняжеское происхождение. Однако это не означало, что внутри у него не было сомнений в своем личном призвании и терзаний по поводу ограничений, которые накладывало великокняжеское положение. В письмах из Америки

---

¹ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 4. Л. 18 об.

² Там же. Д. 6. Л. 74 об. – 75.

³ Там же. Ф. 660. Оп. 2. Д. 114. Письма и телеграммы в. кн. Константина Николаевича (отца) в. кн. Константину Константиновичу. Л. 3.

⁴ Там же. Оп. 2. Д. 114. Л. 3 об.

к двоюродному брату Сергею Александровичу он отмечал, что счастлив находиться «на воле», вдаль «от Петербурга, от тюремных четырех стен Мраморного дворца и от нашего невыносимого великокняжеского прозябания». «Неправда ли, – продолжает в письме Константин, – мы, nous autres, Grands Ducs (мы другие, великие князья, фр. – К. С.), похожи на нежные растения, за которыми особенный уход, которые растут под стеклом и которых только при очень теплой и тихой погоде выносят на чистый воздух? Но неправда ли тоже, что этим растениям хочется сказать всем этим хорошим, любящим людям, ухаживающим за ними: „Ах, уберите все к черту, оставьте меня в покое и дайте делать, что я хочу: я сам найду себе хорошую почву и климат, нужный мне“»¹. Жалобы Константина Константиновича на бездушную атмосферу при Дворе постоянно повторялись в его письмах. Однако далеко не всегда он находил поддержку со стороны брата, который смотрел на эти вопросы более взвешенно: «Вот, что скажу тебе насчет твоих jérémiades (горькая жалоба, сетование, фр. – К. С.) о петербургской жизни – il faut prendre la vie plus simplement (надо относиться к жизни более просто, фр. – К. С.) – особенно в нашем положении, когда эти маленькие неприятности входят в нашу обязанность et sur tout de ne jamais se permettre de se laisser aller (и особенно никогда не позволять распускать себя, фр. – К. С.)»². Смущение Константина Константиновича по поводу своего великокняжеского достоинства проявлялось и в простых повседневных ситуациях. На балах Константин порой считал, что его собеседников интересует не столько он сам, сколько его титул. Он, разглядывая себя в зеркало, приходил в ужас от мысли, что дамы танцуют не с ним, а с великим князем – «будь я просто офицер, никто бы не обращал на меня внимания»³.

В 1878 г., когда Константин Константинович вернулся в Петербург с русско-турецкой войны с «Георгием», великокняжеское достоинство тяготило его уже гораздо меньше. Более того, он даже поймал себя на мысли, что ему нравится демонстрировать свое особое положение во время прогулок по Морской и Невскому: «Я боюсь; в такие минуты на людных петербургских улицах во мне рождается гордость. Я становлюсь хвастливым (пока еще только уместенно, не высказывая этого), я кичусь своей собственной великокняжеской особой»⁴. Но когда во время службы в Казанском соборе к нему с вопросом подошла старушка, он был явно раздосадован: «„Ничто, батюш-

---

¹ ГАРФ. Ф. 648. великого князя Сергея Александровича. Оп. 1. Д. 61. Письма Константина Константиновича. Л. 24 об. – 25.

² Там же. Ф. 660. Оп. 2. Д. 251. Письма Сергея Александровича. Л. 95 – 95 об.

³ Там же. Оп. 1. Д. 13. Л. 32.

⁴ Там же. Л. 58 об.

ка, на Дунае были, да, да“. Мне вовсе не до старушки было. „А как фамилия-то ваша, батюшка?“ – „Иванов,“ – ответил я, чтобы отвязаться¹.

Великокняжеский долг в представлении Константина состоял не только в исполнении его на военной службе, но и – в более широком смысле – в служении народу. Ощущение же себя членом Династии создавало у него чувство особой, мистической, с ним близости. В июне 1879 г. он был с Константином Николаевичем в Москве, и по традиции они заехали поклониться иконе Богородицы в Иверской часовне: «Войдя в часовню, положил два земных поклона, приложившись к образу и снова поклонившись в землю, я услышал церковное пение, а по выходе из часовне мой слух снова обдало ура народа. *Приятно было чувствовать связь с этим народом, связь кажется несуществующую между другими народами и их князьями*»². Константин Константинович общался с простыми людьми и лично. За исключением общения с солдатами в роте, это случалось крайне редко, но всегда приносило ему чувство радости и удовлетворенности. Так было и во время его неожиданной встречи с рабочим в книжной лавке в Петербурге. Рабочий говорил, что «очень охочь до духовных книг, что читать хотца, да денег нет». Константин Константинович купил ему в подарок жизнеописание Афонских святых. Уходя, он представился, назвав себя великим князем: «Проезжая мимо Исаакия, я крестился с благодарностью за случай сделать недурное дело. Я про него никогда никому не скажу. А объяснил я рабочему, кто я таков, не из хвастовства, видит Бог, нет, *а чтоб он знал, что великие князья любят народ и заботятся о нем*, и чтоб доставить ему еще большее удовольствие»³. Желание приносить народу пользу не оставляло великого князя и временами приобретало вполне реальные очертания. Так, во время занятий с профессором по юридическим наукам Иваном Ефимовичем Андреевским у великого князя появилась идея открыть ночлежный приют для рабочих⁴.

Однако размышления Константина Константиновича о пользе для народа никогда не касались возможности его участия в политике, к которой уже тогда он был к ней равнодушен. Прочитав в 1879 г. французский литературно-политический журнал «Revue des deux monde» он записал, что статья про Рембранта ему понравилась гораздо больше, чем про европейский социализм. На следующий год он с увлечением читает Токвиля и высказывает суждения, которые никак не вяжутся с его великокняжеским положением. Сравнивая Францию XVIII в. с ситуацией в России на рубеже 70 – 80-х годов XIX в., он писал, что необходимых условий для революции еще не было. А если бы она

---

¹ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 13. Л. 79 об.

² Там же. Д. 15. Л. 22 об.

³ Там же. Д. 17. Л. 108 об. – 109.

⁴ Там же. Д. 14. Л. 43 об.

разразилась, то долг Романовых – добровольно отказаться от власти в пользу другой Династии¹. По его мнению, революция хотя и вредит тем, против кого непосредственно направлена, на страну же «производит благотворное влияние»². Впоследствии он признал, что в политике смыслит мало и не считает себя вправе давать советы императорам. Таким образом, участие в политической жизни не было для младшего Константина, в отличие от отца, обязательной составляющей исполнения долга великого князя.

Константин Константинович пошел наперекор отцу и в другом, принципиально для него важном, вопросе. Во время плавания по Средиземному морю в 1880–1881 гг. наследник контр-адмирала принял твердое решение оставить морскую службу. Во многом причиной стал их личный, семейный конфликт. Константин Николаевич имел «побочную», как тогда говорили, семью. Со временем это отдалило его от сына, который трепетно любил мать, великую княгиню Александру Иосифовну. Контр-адмирал потерял в его глазах непререкаемый авторитет, и Константин решил вопреки долгу последовать своему желанию оставить флот. Об этом Константин Константинович свидетельствовал: «Папа так смотрит на вещи: отец определяет будущность сына, невзирая на его наклонности. Сын должен повиноваться беспрекословно. Так думал и поступал Николай I, и дети его не сопротивлялись»³. Однако эпоха Николая I была в прошлом, это была уже реформированная Россия, Россия без крепостного права, с земствами и открытым судом. За раскрепощением крестьян последовало «раскрепощение личности». Впервые проявился разрыв поколений: если для людей первой половины XIX в. было важно поддерживать историческую связь со своими предками, то после Великих реформ молодые люди стремились, напротив, оторваться от корней и устремиться в будущее. Менялось отношение к традициям, ценностям, культуре поведения, к социальным устоям и запретам⁴. Изменилось и понимание долга: для Константина Николаевич исполнение слов отца было непререкаемым, для Константина Константиновича это было предметом размышлений и сомнений.

Более того, Константин принял невероятное решение посвятить себя поэзии. Все в том же 1881 г. в «Вестнике Европы» были напечатаны стихотворения, автор которых скрылся под криптонимом «К.Р.». Константин Николаевич сразу догадался, кому принадлежат прочитанные им стихи, и вызвал моло-

---

¹ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 13. Л. 81 об.

² Там же. Л. 83.

³ Там же. Д. 19. Л. 60.

⁴ *Rodigina N., Saburova T. Fathers and Sons: The Generation Gap in the History of Imperial Russia // Times of our Lives: Making Sense of Growing Up & Growing Old. Oxford: Inter-Disciplinary Press. С. 335–344. URL: <http://www.inter-disciplinary.net/wp-content/uploads/2009/06/saburova-paper.pdf>*

дого поэта на разговор. Он говорил, что «каждый раз эти стихи возбуждали в нем самое неприятное чувство», что ему стыдно за сына. Со слов отца Константин Константинович пишет в дневнике, что тот сам в юности увлекался поэзией. Но когда об этом узнал Николай I, последовал строгий выговор: «„Николай Павлович сказал: Je voudrais faire mon fils mort plutôt que poète“ (Я предпочел бы убить своего сына, чем видеть его поэтом, фр. – К. С.). Он не допускал мысли, чтобы великий князь мог и подумать о каком-либо занятии вне службы государству»¹. Эти слова не убедили молодого великого князя, и позднее, в день своего тридцатилетия, он записал в дневнике: «Жизнь моя и деятельность вполне определились. Для других – я военный, ротный командир, в близком будущем полковник /.../ Для себя же – я поэт. Вот мое истинное призвание»². С помощью поэзии, как ему казалось, он исполнял свой долг перед народом, о чем свидетельствуют строки его программного стихотворения «Баловень судьбы»: «Но пусть не тем, что знатного я рода, что царская во мне струится кровь, родного православного народа я заслужу доверье и любовь, но тем, что песни русские, родные я буду петь немолчно до конца и что во славу матушки России священный подвиг совершу певца».

Подводя итог, можно сказать, что великий князь Константин Константинович рос и воспитывался с точным представлением о своем великокняжеском предназначении. Однако усомнившись в своем долге быть моряком, он настоял на своем – оставил морскую службу и определился в Измайловский гвардейский корпус. Своим главным же призванием он считал поэзию. Он отдавал себе отчет в том, что поставлен судьбой служить Престолу и Отчеству, но трактовал это по-своему, в соответствии с духом времени, когда личные интересы и склонности приобретали все больший вес. Такое отношение к своей роли было характерно и для большинства других великих князей его поколения. Это ослабляло общественное положение Императорского дома и свидетельствовало о зарождавшемся внутреннем кризисе династии как института власти.

---

¹ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 20. Л. 11 – 11 об.

² Там же. Д. 35. Л. 6 об. – 7.